

МИРА
ВЛАДИ

ЖЕЛАННОЕ СОКРОВИЩЕ ОРКОВ

Мира Влади

Желанное сокровище орков

<https://litres.ru/74212838>

Аннотация

Наш караван нарушил договор и пересёк границу земель орков. Теперь я в их шатре — связанная, с кляпом во рту. Передо мной — двое вождей.

Они не чудовища из детских страшилок. Это был лишь миф. На самом деле они — живые, опасные... слишком настоящие. Сильные. Спокойные, как хищники перед прыжком. Один их взгляд и тело подчиняется. Одно прикосновение и всё внутри вспыхивает, сгорает в огне желания.

Раньше я дрожала от сказок про орков. А теперь я — их любовь. Их судьба. Но вот вопрос: действительно ли это случайность, что я оказалась на их землях?..

Книга – участник литмоба "Хочу орка"

Содержание

-1-	4
-2-	9
-3-	13
-4-	18
Визуалы	22
-5-	23
-6-	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Я сидела в телеге, укрытой грубой тканью, что колыхалась от каждого дуновения ветра, словно живая, будто дышала вместе со мной. Сквозь узкие щели пробивались тонкие лучи солнца, играя пятнами света на моих руках, и я, устроившись на мягких шкурах, осторожно плела венок из незабудок.

Мои пальцы подрагивали — не от холода, а от смутного беспокойства, что грызло меня с самого утра, как мышь старую тряпку, оставляя внутри неприятный холодок. Серебристые волосы падали мне на лицо, цеплялись за ресницы, щекотали мои щёки, и я то и дело отводила их назад, тихо напевая старую песенку о любви и лесах:

*Лес шепчет мне в тишине,
Тени танцуют в лунном огне.
Где-то за рекой цветёт мой дом,
Только путь мой скрыт густым крылом.*

*Ой, ветер, унеси меня туда,
Где сердце не знает стыда.
Сквозь чащу, сквозь мрак, где любви маяк,
Я иду, не боясь, вот так.*

Мой голос дрожал, тонкий и хрупкий, как лепестки на ветру, но пение было моим спасением — оно заглушало

страх перед дорогой через земли орков, что поднимался во мне, как тёмная волна.

Я никогда их не видела. Только слышала рассказы у очага — страшные, от которых мурашки бежали по спине, а сердце замирало. Старуха Гера, сгорбленная и с глазами, как высушенные колодцы, шептала, что орки огромные, с зелёной кожей, блестящей, как чешуя змеи, и клыками, длинными, как у волков. Говорили, они едят детей, вырывают им сердца ещё живым, пьют кровь из черепов и сжигают деревни ради забавы.

Но правда ли это? Может, это просто байки, чтобы пугать нас, малышей, чтобы мы не бегали к лесу по ночам? А вдруг они не такие уж и страшные?

Я украдкой бросила взгляд на ткань, за которой простирался лес — тёмный, густой, полный шорохов.

Интересно, какие они на самом деле? Высокие ли, как сосны, что растут у реки? Или, может, их глаза правда горят, как угли, как клялась Гера, приложив руку к груди? А что, если у них есть семьи, как у нас? Дети, жёны? Или они живут одни, как звери в своих логовах?

Мои мысли путались, и я сильнее сжала венки, чувствуя, как стебли царапают кожу.

А вдруг они не такие злые, как говорят? Может, договор, о котором шептались старики, правда держит их в узде? Но тогда почему все так боятся?

Я подняла глаза к щели в ткани, пытаюсь разглядеть хоть

что-то за ней — тень, движение, намёк.

Что, если они сейчас смотрят на нас? Слышат, как я дышу? Или им нет дела до какой-то телеги с товаром?

— Хватит петь, Эйвери, — вдруг буркнул кучер, старый дядька с нашей деревни, даже не обернувшись ко мне. Его голос был хриплым, раздражённым, как будто я наступила ему на больную мозоль, и я вздрогнула от неожиданности. — Нервы и так на пределе.

Я замолчала, прикусив губу, и крепче сжала венки в руках, чувствуя, как цветы мнутся под пальцами.

— Простите, дядя Торн, — пробормотала я тихо, почти шёпотом, не желая его злить. Он и без того ворчал всю дорогу, то на лошадей, то на пыль, то на жару. — Мне просто... боязно.

— Боязно? — он фыркнул, бросив на меня короткий взгляд через плечо, его седая борода дрогнула. — А чего тут боязного-то? Орки нас не тронут, договор есть договор. Только не пой, а то уши вянут.

— А вы их видели? — вырвалось у меня, и я тут же пожалела об этом. Но любопытство пересилило. — Орков, в смысле. Они правда такие, как рассказывают? С клыками? Едят людей?

Он хмыкнул, почти что рассмеявшись, но тут же вернул себе самообладание.

— Ну, не знаю, девка. Слухи ходят, да кто их видел-то? — проворчал он, снова уставившись на дорогу. — Ты лучше

сиди тихо и не дёргайся. Нам бы до рынка добраться, а там уж разбирайся с орками, если встретишь.

Я кивнула, хоть он и не смотрел на меня, и опустила взгляд на цветы, перебирая их в пальцах. Его слова не успокоили — наоборот, тревога только выросла.

А что, если орки и правда следят за нами прямо сейчас? Слышат ли они, как стучит моё сердце? Чувствуют ли мой страх? Или им всё равно, что какая-то девчонка вроде меня едет через их земли?

Я сглотнула, пытаюсь прогнать эти мысли, но любопытство всё равно шевелилось где-то внутри, смешиваясь со страхом, как вода с маслом.

Может, они не такие уж звери? Или всё-таки хуже, чем в сказках?

Тишина давила, и я снова посмотрела на ткань. Лес за ней казался живым — шорохи веток, далёкий крик птицы, треск сучьев где-то в глубине. Я затаила дыхание, прислушиваясь.

Это просто ветер? Или... что-то ещё? Что-то большое, тяжёлое, крадущееся в тених? Мои пальцы замерли на венке, а в горле пересохло. Что, если это они?

И тут из леса донёсся шум — низкий, нарастающий, как рокот далёкого грома. Я втянула голову в плечи, сердце заколотилось быстрее.

Это лошади? Или... шаги? Кто-то идёт? Или бежит? Я посмотрела на дядю Торна, но он тоже замер, вцепившись в поводья, и его лицо побледнело.

– Что это? – прошептала я, но он не ответил.

Шум приближался, и я поняла: это не ветер. Это что-то живое. И оно близко.

И тут раздались крики — резкие, дикие, от которых кровь застыла в жилах, а дыхание перехватило, как будто кто-то сжал мне горло. Они вырвались из леса, словно стая волков, окружившая добычу, — пронзительные, нечеловеческие, смешанные с хриплым рёвом и топотом, от которого земля под телегой задрожала.

Телега дёрнулась так резко, что я ударилась плечом о деревянный борт, боль прострелила руку, а венок чуть не выскользнул из пальцев, повиснув на кончиках. Я вцепилась в него, как в последнюю ниточку к прежней жизни.

Снаружи загрохотало: звон металла — резкий, как удар молота о наковальню, — хриплые вопли караванщиков, полные ужаса и отчаяния, топот тяжёлых ног, сминающих траву и ветки, и рёв — низкий, звериный, глубокий, от которого у меня задрожали колени, а в груди всё сжалось.

Что-то тяжёлое ударило по соседней повозке, раздался треск ломающегося дерева, и чей-то крик оборвался на высокой ноте, сменившись мокрым хрипом. Я зажмурилась на миг, но тут ткань, укрывавшая телегу, затрещала, разрываясь под чьей-то грубой силой, как бумага под ножом, и в проём ворвался *он*.

Я замерла, не в силах даже вздохнуть, воздух застрял в горле, словно ком. Огромный, выше любого мужчины в на-

шей деревне — выше даже кузнеца Брана, что казался мне великаном в детстве, — он заполнил собой всё пространство, загородив свет. Его зелёная кожа блестела, как мокрый камень после дождя, с тёмными прожилками, будто высеченная из скалы, а клыки — длинные, острые, как ножи из скалок, что старуха Гера описывала с дрожью в голосе, — торчали изо рта, белея в полумраке телеги.

Орк.

Мой первый орк.

Его мускулы бугрились под грубой бронёй, натягивая её так, что швы трещали, а каждая пластина, казалось, вот-вот лопнет от напряжения. Глаза — жёлтые, горящие, как угли в очаге, только что вынутые из огня, — впились в меня, и я почувствовала, как холодный пот стекает по спине, оставляя липкий след.

Это правда? Они такие? Или это только начало кошмара?

Мой разум кричал: "Беги! Спрячься!", но ноги не слушались, приросли к шкурам, будто выросли в них корнями, а сердце билось так быстро, так громко, что я боялась, оно разорвётся или он услышит его стук и решит вырвать его из груди.

Орк шагнул ближе, и телега качнулась под его весом, скрипнув, как старый дом на ветру. Я слышала шум схватки за его спиной — лязг мечей, быстрый и беспорядочный, треск ломающихся досок, будто кто-то крушил повозки голыми руками, чей-то предсмертный хрип, оборвавшийся

булькающим звуком. Где-то рядом упала лошадь — я услышала её ржание, полное боли, и глухой удар о землю.

Запах крови и железа просочился в телегу, смешиваясь с сыростью леса, и я сжалась, втянув голову в плечи, ожидая, что сейчас он выхватит клинок и полоснёт им по мне, как в тех страшных историях, что шептались у огня.

Я представила, как его клыки впиваются в мою шею, как он разрывает меня на куски, и слёзы уже катились по щекам, горячие и солёные. Но он не ударил. Вместо этого он хмыкнул — низко, почти насмешливо, звук прокатился по телеге, как далёкий гром, — и крикнул кому-то за спиной, не отводя от меня своих жёлтых глаз:

– У нас тут не только товар!

Его голос прогремел, глубокий и раскатистый, как рокот водопада, и я, задрожав ещё сильнее, попятилась назад, пока не упёрлась спиной в стенку телеги. Дерево впилося в лопатки, но я едва это заметила — страх сковал меня, как ледяные цепи.

– Не надо, – прошептала я, едва шевеля губами, голос дрожал, срывался, слёзы жгли глаза, мешая видеть. – Пожалуйста, не надо... Не ешьте меня...

Орк наклонился ко мне, его тень упала на меня, закрыв последние лучи света, и я уловила его запах — резкий, с нотами дерева, мокрой травы и чего-то тёплого, незнакомого, почти пряного, что странно контрастировало с моими ожиданиями.

— Ну куда ты, красавица? — прорычал он, и его огромная рука метнулась вперёд, схватив меня за запястье.

Его пальцы были горячими, шершавыми, как кора дерева, и такими сильными, что я вскрикнула, дёрнувшись назад, но его хватка была железной, неумолимой.

Он рывком вытащил меня из телеги, и мир закружился — крики караванщиков, уже слабые и далёкие, кровь на земле, блестящая в траве, тени других орков, мелькающие в лесу, как призраки.

Я видела, как один из них поднял топор над кем-то, лежащим у повозки, и отвернулась, зажмурившись.

Что они сделают со мной? Съедят, как в сказках? Сдерут кожу? Или хуже — оставят жить для чего-то страшного?

Я дрожала всем телом, слёзы текли по щекам, но где-то глубоко внутри, под слоем ужаса, маленькая, робкая надежда всё ещё шептала: "А что, если они не такие, как в сказках? "

Его рука сжала моё запястье ещё сильнее, и я вскрикнула снова, но звук вышел слабым, заглушённым шумом вокруг.

Прежде чем я успела хоть что-то сделать, другой орк — чуть ниже, но такой же широкоплечий, с короткими темно-зелёными волосами — шагнул ко мне из-за спины первого. В его руках была верёвка, грубая, с торчащими волокнами, и я даже не успела понять, что происходит, как он ловко обмотал её вокруг моих запястий.

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но он только хмыкнул, затягивая узел так, что верёвка впилась в кожу, оставляя жгучие следы.

– Не надо, отпустите! – пискнула я, но мой голос утонул в их рычании.

Тот, что держал меня, наклонился ближе, и я увидела, как он достаёт грязный кусок ткани — старый, пропахший потом и землёй. Он засунул мне его в рот, завязав узел за головой.

Я задохнулась, вкус грязи и соли заполнил язык, и слёзы снова хлынули из глаз.

– Так-то лучше, – буркнул он, и его жёлтые глаза блеснули, как будто он забавлялся. А потом он наклонился, подхватил меня под колени и одним движением перебросил через плечо.

Я ахнула, но звук заглушил кляп, и мир перевернулся. Мои связанные руки болтались у его спины, ноги беспомощно свисали, а его твёрдое плечо врезалось мне в живот, выбивая дыхание с каждым шагом. Я чувствовала, как его броня царапает мне кожу через платье, как его тепло просачивается сквозь ткань, и от этого становилось ещё страшнее.

Они двинулись вперёд, и я качалась на его плече, как мешок с зерном, голова кружилась, а лес мелькал перед глазами — деревья, тени, пятна крови на земле.

Они шли быстро, переговариваясь между собой на каком-то гортанном языке, полном рыков и резких звуков, иногда переходя на межрасовый.

Первый, тот, что нёс меня, бросил через плечо:

– Глянь, какая добыча, Зоррак. Не ожидал, что в этой рухляди найдётся что-то живое.
Второй — Зоррак, видимо, — ответил низким голосом, в котором сквозило что-то похожее на смех:

– Да, Кхарг, не товар, а подарок. Может, вожди решат, что с ней делать.

– Если не сожрут её первыми, – хмыкнул Кхарг, и его плечо дёрнулось, отчего я чуть не поперхнулась воздухом, которого и без того было мало.

Я слушала их, пытаюсь уловить смысл, и страх сжимал моё сердце всё сильнее.

Сожрут? Они правда собираются меня съесть?

Я представила огромный костёр, чёрный котёл, их клыки,

впивающиеся в меня, и задрожала так, что зубы застучали о кляп.

Но тут же мелькнула мысль — маленькая, слабая, как огонёк в ветреную ночь: они не убили меня сразу. Не разорвали там, в телеге, не пролили мою кровь, как тех бедняг из каравана.

Может, это хороший знак? Может, они не едят сырое?

Я попыталась ухватиться за эту мысль, найти в ней хоть каплю надежды.

Ну да, если бы хотели, уже бы прикончили, верно? Или они несут меня к костру, чтобы приготовить?

От этой картины меня затошнило, и я зажмурилась, стараясь дышать через нос, хоть кляп и душил меня.

Пока я болталась на его плече, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в рёбрах, мысли унесли меня назад — к тому, как я вообще оказалась в этом кошмаре.

Утро было серым, небо затянуто тучами, и дома пахло сыростью и травами, что мачеха сушила у очага. Отец сидел у стола, сгорбившись, держась за поясницу — его спина опять разболелась после дождей. Мачеха, бледная, с красными пятнами на щеках, кашляла в платок, её руки дрожали. Братья ушли на охоту ещё накануне, обещали вернуться с оленем, но их всё не было.

– Эйвери, – прохрипел отец, глядя на меня своими усталыми глазами. – Надо ехать с караваном. Мясо, шкуры — всё пропадёт, если не продать скоро. Погода портится, а нам

нужны деньги.

— Но, папа, — начала я, теребя подол платья, — я же никогда... А вдруг орки?

— Орки не тронут, — отмахнулся он, поморщившись от боли. — Договор есть договор. Они нас пропускают уже сколько лет. Да и дядя Торн с тобой, он знает дорогу.

Мачеха подняла голову, её голос был слабым, но твёрдым:

— Не спорь, девочка. Братьев нет, я больна, отец не встанет. Ты должна. Сегодня последний день, завтра дождь всё испортит.

— Но почему сегодня? — пискнула я, чувствуя, как горло сжимается. — Всегда же в конце недели ездят, по уговору...

— Потому что ждать нельзя! — рявкнул отец, и я вздрогнула, отступив назад. — Товар гниёт, Эйвери. Езжай, и точка.

Я кивнула, хоть внутри всё кричало от страха, и пошла собираться. Дядя Торн ждал у телеги, ворча под нос, пока я забиралась внутрь.

— Не нравится мне это, — буркнул он, когда мы тронулись. — Не по уговору едем, но твои права — мясо уже пахнет. Только бы орки не заметили...

И вот я здесь, болтаюсь на плече у орка, с кляпом во рту и связанными руками, а его шаги уносят меня всё глубже в лес.

Они не убили меня сразу — это хорошо, да? Но куда мы идём? К костру? К их логову?

Я пыталась найти хоть что-то хорошее в этом, но страх всё равно душил меня.

Лес вокруг становился гуще, ветки хлестали по ногам, оставляя царапины, но я едва замечала это — страх и кляп во рту заглушали всё. Они продолжали переговариваться, их голоса смешивались с шорохом листвы и далёкими криками, что доносились от каравана.

Я больше не могла разобрать слов, только улавливала их тон — грубый, но с ноткой веселья, как будто я была для них не добычей, а забавной находкой.

Наконец деревья расступились, и мы вышли на открытое место. Я приоткрыла глаза, насколько могла, и ахнула бы, если бы не кляп. Передо мной раскинулся лагерь — нет, не лагерь, а целое племя, огромное, шумное, живое.

Высокие шатры из шкур и ткани, расшитые узорами, стояли ровными рядами, между ними горели костры, над которыми висели котлы с чем-то ароматным. Дома были крепкими, с деревянными каркасами, украшенными резьбой, а улицы — если их можно так назвать — вымощены камнем, чистые, без грязи и мусора, что вечно покрывали нашу деревню.

У нас дома были кривыми, из сырого дерева, с соломенными крышами, что текли в дождь, а здесь всё выглядело... лучше. Красивее.

Я моргнула, пытаясь понять, как такое возможно. Это же

орки, звери из сказок, а не мастера, строящие города!

Телеги из каравана уже тащили сюда другие орки — я видела, как они ловко разбирают их, вытаскивая мешки с зерном, шкуры, бочки с мясом. Всё происходило быстро, слаженно, как будто они делали это не раз. А меня Кхарг нёс дальше, к самому большому шатру в центре лагеря.

Он был великолепен — высокий, с тёмно-зелёной тканью, расшитой золотыми нитями, и входом, украшенным шкурой какого-то зверя с длинными когтями.

Мое сердце заколотилось ещё сильнее — куда меня несут? К их вождю? К костру?

Кхарг шагнул внутрь и, не церемонясь, скинул меня с плеча. Я упала на мягкую шкуру, расстеленную на полу, с глухим стуком, и верёвка на запястьях натянулась, царапая кожу. Платье задралось до бёдер, обнажая ноги, и я в панике попыталась его одёрнуть, но связанные руки не слушались.

Зоррак, шедший следом, наклонился и одним движением развязал кляп. Я выплюнула грязную тряпку, задыхаясь, кашляя, и тут же подняла глаза — и замерла.

Передо мной стояли двое. Они были огромными, даже больше Кхарга и Зоррака, и... нереально красивыми.

Первый — с ярко-зелёной кожей, блестящей, как полированный камень, и длинными чёрными волосами, собранными в высокий хвост на затылке, с несколькими прядями, что падали на лицо, обрамляя его. Его уши были заострёнными, как у эльфов из легенд, а глаза — тёмные, глубокие, спокой-

ные, будто он видел всё на свете и ничто не могло его удивить.

Второй — с кожей землистого оттенка, тёплой, как свежая почва после дождя, и длинными волосами, заплетёнными в толстую косу, что свисала через плечо. Его глаза, золотые и яркие, искрились весельем, а тонкие губы были изогнуты в лёгкой ухмылке.

И никаких клыков — ни у одного из них. Их лица были почти человеческими, но с какой-то дикой, притягательной красотой, от которой у меня перехватило дыхание.

Это орки? Или я сплю?

Кхарг шагнул вперёд и прогудел, обращаясь к ним:

– В телеге было ещё и это. Нашли в одной из повозок, пряталась.

Тот, что с зелёной кожей и спокойным взглядом, кивнул, скрестив руки на груди.

– Я голодный, – сказал он тихо, но твёрдо, его голос был глубоким, как эхо в пещере. – Поем, а потом решим, что делать дальше с товаром.

Мои глаза расширились, и страх, что я пыталась заглушить, вырвался наружу.

Он голодный? Они всё-таки едят людей?

Я втянула воздух, задрожав, и выпалила, не думая:

– Пожалуйста, не ешьте меня! Я... я не вкусная, честно!

Прошу вас, отпустите!

Они оба замерли, уставившись на меня, как будто я ска-

зала что-то безумное. Тот, с косой, вдруг расхохотался — громко, раскатисто, откинув голову назад.

— Её? Съесть? — выдавил он между смешками, вытирая угол глаза. — Ты что, красавица, с ума сошла?

Тот, что с хвостом, наклонился ко мне, его тёмные глаза сузились, но в них не было злобы — только любопытство.

— Как там живут без нас люди? — спросил он, его голос был мягким, рассудительным. — Неужели вы дошли до того, что едите себе подобных? Или где ты вообще выросла, что такое придумала?

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Они смотрели на меня, как на диковинку, и я почувствовала себя глупо.

Они... не собираются меня есть? Но почему тогда я здесь? И почему они такие... красивые? Мой взгляд метнулся от одного к другому, и я сглотнула, не зная, что ответить.

— Я... в деревне, — пробормотала я наконец, — у нас рассказывали, что вы... ну... едите людей.

Орк с косой снова хмыкнул, а тот, что с хвостом, выпрямился, качнув головой.

— Интересно, что ещё вы там про нас придумали, — сказал он, и в его голосе мелькнула тень улыбки.

Я сидела, всё ещё дрожа, но теперь не только от страха — их красота и странное спокойствие сбивали меня с толку, и я не знала, чего ждать дальше.

Визуалы

Привет, мои дорогие! ##
 Добро пожаловать в мир орков, страсти и неожиданных поворотов ##

Надеюсь, вам так же волнительно следить за Эйвери, как мне создавать её историю ## Эта хрупкая девочка с серебристыми волосами украла моё сердце, а Кирон с Рагнаром... ну вы понимаете ## Они точно умеют заставить нас краснеть #####

Если вам понравилось это приключение — с его нежностью, трепетом и тем самым «ах!» моментом — поставьте лайк ## Это ваш маленький подарок мне, чтобы я знала, что двигаюсь в правильном направлении ##
 А чтобы не потерять Эйвери и её зелёных красавцев из виду — добавьте историю в библиотеку ## Кто знает, вдруг скоро будет продолжение? (Подмигиваю, потому что идей — вагон! ##)

А теперь — визуалы! ##

Эйвери

Кирон

Рагнар

Я сидела на шкуре, всё ещё дрожа, мои мысли путались, как нитки в старом клубке. Эти двое орков — совсем не такие, как в страшных сказках, — смотрели на меня, и я не знала, что думать.

Они не собираются меня есть? Но тогда зачем я здесь?

Мой взгляд метался от одного к другому, от их сильных фигур к их лицам, и я чувствовала, как щёки начинают гореть от смеси страха и какого-то странного, непонятного чувства.

Тот, что с зелёной кожей, вдруг повернулся к своему спутнику и заговорил на их гортанном языке — резкие звуки, рычащие слоги, от которых у меня по спине пробежал холодок.

Орк с косой кивнул, бросив на меня короткий взгляд, и что-то ответил, его голос был ниже, с игривой ноткой. Я не понимала ни слова, но их тон — быстрый, деловой — заставил меня напрячься.

О чём они говорят? Решают мою судьбу?

Кхарг и Зоррак, что привели меня сюда, поклонились этим двоим — явно вождям — и вышли из шатра вместе с зелёным здоровяком, оставив меня наедине с орком с косой. Ткань у входа колыхнулась, и я осталась с ним, одна, в этом огромном шатре.

Он присел на корточки рядом со мной, и я невольно от-

шатнулась, вжимаясь в шкуру. Его золотые глаза сверкали, как расплавленное золото, с лёгкой насмешкой. Я сжалась, ожидая чего угодно — удара, грубости. Но он лишь протянул руку к моим связанным запястьям.

Его движения были осторожными, почти медленными, и я замерла, не в силах отвести взгляд. Его пальцы — большие, сильные, с короткими ногтями — ловко развязали узлы, и верёвка упала на пол, открывая красные следы на моей коже. Они горели, ныли, и я тихо ахнула, когда прохладный воздух коснулся их.

Он нахмурился, глядя на эти отметины, и что-то пробормотал сквозь зубы на своём языке — резкое, злое, с рычащим оттенком. Я не поняла слов, но его тон был таким, будто он ругал тех, кто меня связал.

А потом он сделал то, чего я не ожидала: его огромный палец — вполовину моего запястья, тёплый, чуть шершавый — нежно коснулся красной полосы на моей коже. Я вздрогнула, и моё дыхание сбилось. Он провёл пальцем вдоль отметины, медленно, осторожно, как будто боялся сделать мне больно, и от этого прикосновения по моему телу побежали мурашки — горячие, электрические, от запястья вверх, до шеи.

Его палец был таким большим, таким сильным, но касался меня с невероятной мягкостью, и я почувствовала, как жар заливает мои щёки. Я смотрела на него, не в силах отвести глаз: его широкие плечи, напряжённые под туникой, его ко-

са, что свисала через плечо, чуть касаясь пола, его лицо — резкое, но красивое, с высокими скулами и полными губами, которые сейчас были слегка приоткрыты.

Мой взгляд упал на его руку, всё ещё державшую моё запястье, и я сглотнула — его пальцы могли бы с лёгкостью сломать мне кости, но вместо этого они гладили мою кожу, и от этого у меня закружилась голова.

Что это? Почему он так нежен? И почему моё тело реагирует так странно — дрожит не только от страха, но и от чего-то другого, тёплого, пульсирующего внизу живота?

Он вдруг замер, словно почувствовал моё смятение, и его золотые глаза встретились с моими. В них мелькнула искра — не угроза, а что-то глубокое, притягательное, от чего моё сердце пропустило удар. Его большой палец задержался на моём запястье ещё на миг, слегка надавив, и я ощутила, как его тепло проникает в меня, заставляя кожу гореть. Напряжение между нами повисло в воздухе, густое, почти осязаемое, и я затаила дыхание, не зная, чего ждать.

Но он отстранился, резко, как будто сам себя одёрнул, и выпрямился, глядя на меня сверху вниз. Его голос, низкий и чуть хриплый, нарушил тишину:

– Хочу показать тебе кое-что. Иди за мной.

Он протянул руку, но не схватил, а просто ждал, и я, всё ещё дрожа, неуверенно кивнула. Мои запястья ныли, но его прикосновение всё ещё горело на коже, и я не могла понять, почему мне хочется узнать, что он имеет в виду. Что он хочет

показать? И почему я не могу отвести от него взгляд?

Я поднялась на ноги, всё ещё дрожа, и последовала за ним. Мои шаги были неуверенными, ноги утопали в мягкой шкуре. Орк вышел первым, откинув ткань, и я, помедлив, шагнула за ним, щурясь от яркого света. Лагерь открылся передо мной во всей красе, и я замерла, не веря своим глазам.

Всё было чисто, до блеска — ни грязи, ни мусора, что вечно валялись у нас в деревне, где куры топтались в лужах, а ветер разносил солому с крыш. Здесь улицы были вымощены гладкими камнями, блестящими, как после дождя, а шатры и дома стояли ровными рядами, их ткани и дерево украшены резьбой и яркими узорами.

Костры горели аккуратно, в выложенных каменных очагах, и запах еды — жареного мяса, трав, чего-то пряного — витал в воздухе, заставляя мой желудок невольно сжаться. Это было красиво, даже величественно, и я поймала себя на мысли, что наша деревня рядом с этим выглядела как горстка старых лачуг.

Пока мы шли, я замечала всё больше деталей. Орков было много — высокие, мускулистые, с зелёной или землистой кожей, они таскали мешки, чинили оружие, переговаривались громкими голосами. Но среди них мелькали и орчихи, с такими же сильными фигурами, но с мягкими улыбками, их волосы были заплетены в косы или украшены цветами.

А потом я увидела человеческих женщин — их было немного, но они выделялись своей бледной кожей и светлыми платьями. Я ожидала увидеть страх в их глазах, сгорбленные спины, следы слёз, но нет — они выглядели опрятными, сияющими, одна даже рассмеялась, когда орчиха рядом что-то ей сказала. Они не были пленницами. Они... жили здесь? Это сбило меня с толку ещё больше, и я замедлила шаг, пытаясь осмыслить увиденное.

Орк с косой заметил моё замешательство и обернулся ко мне. Его золотые глаза блеснули, и он заговорил, его голос был низким, с лёгкой хрипотцой:

— Меня зовут Кирон. Я один из вождей этого племени. Второй — Рагнар, тот, что был в шатре. Он отвечает за оборону, за воинов, а я слежу за порядком внутри. Чтобы всё работало, как надо.

Он махнул рукой в сторону, указывая на лагерь, и продолжил, будто я была не пленницей, а гостьей, которую он решил провести по своему дому:

— Вон там — кузня, слышишь молоты? А дальше — склады, где храним еду и товар. Рынок у реки, туда ходят торговать с соседями. А это — жилые шатры, там семьи.

Я слушала, кивая, но внутри всё кипело от вопросов. Он говорил так спокойно, так буднично, как будто я уже часть этого места. Почему он рассказывает мне всё это? Что я здесь делаю?

Но я не успела ничего спросить — мы продолжали идти,

и вскоре перед нами выросло каменное строение, тёмное и массивное, с двумя орками у входа. Они стояли с копьями, их лица были суровыми, и я поняла — это тюрьма. Мое сердце сжалось. Зачем он привёл меня сюда?

Кирон шагнул к решётке, и я нерешительно последовала за ним, заглядывая внутрь. В одной из клеток, за толстыми прутьями, сидели двое — потрёпанные, в рваной одежде, с грязными лицами. Они подняли головы, и я ахнула, узнав их. Мои братья — Торин и Лейн. Их волосы были спутаны, под глазами темнели синяки, но это были они. Они рванули к прутьям, вцепившись в них так, что костяшки побелели, и закричали:

– Эйвери! Сестрёнка, спаси нас! Вытащи отсюда, умоляем!

Торин, старший, смотрел на меня с отчаянием, его голос дрожал, а Лейн, младший, прижался к решётке, его глаза блестели от слёз. Я отступила назад, ноги подкосились, и я чуть не упала.

Что? Как? Они же должны быть на охоте! Отец сказал, что они ушли за оленем, мачеха клялась, что они вернутся через день-два. Почему они здесь, в клетке, как преступники?

Я обернулась к Кирону, моё дыхание сбилось, и страх снова захлестнул меня.

– Что это такое? – выпалила я, мой голос дрожал, срываясь на писк. – Почему мои братья здесь? Что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.